

Живешь лишь дважды: один раз, когда рождаешься, и другой — когда смотришь смерти в лицо.

Из Басё
(японский поэт, 1643–1694)

Часть I

Путешествовать лучше, надеясь на лучшее...

Глава 1

Ножницы режут бумагу

Стоя на коленях рядом с Джеймсом Бондом, гейша по прозвищу Дрожащий Лист наклонилась и с невинным видом поцеловала Бонда в правую щеку.

— Это обман, — сказал Бонд сурово, — ты обещала, что, если я выиграю, это будет настоящий поцелуй в губы. По меньшей мере, — добавил он.

Серый Жемчуг, дама с покрытыми черным лаком зубами и притворно аффектированная, накрашенная так сильно, что смахивала на персонаж театра Но, перевела. Она одобрительно хихикала при этом. Дрожащий Лист закрыла лицо своими красивыми руками, будто от нее тре-

бовали чего-то неприличного. Но потом ее пальцы раздвинулись, и наивные карие глаза некоторое время изучали рот Бонда, как бы прицеливаясь. Неожиданно она резко наклонилась вперед. На этот раз поцелуй был полноценным, в губы. Она поцеловала каждый уголок его губ. Что это должно было означать? Обещание? Бонд вспомнил данное ему обещание, что гейша проведет с ним ночь. Это будет гейша низшего разряда. Она не столь искусна в профессиональном смысле, как эти: не сможет рассказывать смешные истории, петь, рисовать или сочинять стихи о своем повелителе. Но в отличие от своих образованных сестер она, быть может, согласится оказать более откровенные услуги, конечно тайно и за высокую плату. Однако грубому вкусу *гейджина*, иностранца, это отвечает больше, чем изысканные *танка*, состоящие из тридцати двух слогов, утонченный язык которых он все равно бы не понял и не смог бы насладиться очаровательным описанием цветущей хризантемы у подножия Фудзиямы.

Восторги по поводу его необузданного сладострастия утихли быстро и почтительно. Сильный коренастый мужчина в черном национальном одеянии, сидевший напротив Бонда за красным полированным столом, вынул изо рта мундштук фирмы «Данхилл», который он сжимал зо-

лотыми зубами, и положил его рядом с пепельницей.

— Бондо-сан, — сказал Тигр Танака, глава японской секретной службы, — я бросаю тебе вызов в этой забавной игре и обещаю, что ты проиграешь.

Большое морщинистое и загорелое лицо, которое Бонд хорошо знал, растянувшись в улыбке, стало еще в два раза шире. Миндалевидные глаза превратились в сверкающие щели. Бонду была знакома эта улыбка. Не улыбка, а маска с золотой дыркой посередине.

Бонд засмеялся:

— Хорошо, Тигр. Но сначала выпьем еще сакэ! Только не из этих дурацких чашечек. Я выпил их штук пять, а эффект такой же, как от одной порции двойного мартини. Мне нужно выпить еще одну порцию двойного мартини, чтобы я мог и дальше демонстрировать преимущество западного инстинкта над восточной хитростью. Неужели у Минга где-нибудь не найдется нормального стеклянного стакана?

— Бондо-сан, Минг — китаец. Хоть ты и умеешь пить, в фарфоре ты разбираешься слабо. Более того, не следует недооценивать сакэ. У нас говорят: «Первую чашечку сакэ пьет мужчина, вторая чашечка пьет первую, потом сакэ выпивает мужчину».

Тигр Танака повернулся к Серому Жемчугу, и они о чем-то заговорили, смеясь, как подумал Бонд, над его неуклюжестью и звериным аппетитом. После этого Дрожащий Лист низко поклонилась и поспешно вышла из комнаты.

Тигр повернулся к Бонду:

— Ты снискал уважение, Бондо-сан. Только борцы *сумо* пьют сакэ в таких количествах и не пьянеют. Серый Жемчуг говорит, что ты мог бы запросто выпить и восемь фляжек. — Лицо Тигра сделалось лукавым. — Но еще она говорит, что к концу вечера ты не сможешь быть хорошим партнером для Дрожащего Листа.

— Скажи ей, что я предпочел бы более зрелую партнершу, такую, как она сама. Я уверен, что она владеет искусством любви так, что сможет избавить меня от временной слабости.

Эта глупая выходка Бонда не осталась безнаказанной. Послышалась резкая дробь японских слов, произнесенных Серым Жемчугом. Тигр перевел:

— Бондо-сан, эта женщина не лишена остроумия. Она говорит, что уже замужем за одним уважаемым бон-саном и что в ее футоне нет места для другого. Бон-сан, как вы знаете, это священник, седебородый. Футон — постель. Она обыграла твое имя.

Вечеринка с гейшами продолжалась уже два

часа, и у Бонда челюсти сводило от постоянных улыбок, вежливых и осторожных ответных шуток. Но хотя ни гейши, ни загадочные звуки трехструнного инструмента, который называется *самисен*, нисколько не развлекали его, однако он не хотел прерывать вечеринку, зная, что Тигр Танака с садистским удовольствием наблюдает за ним. Дикко Хендерсон предупреждал его, что для иностранца вечер с гейшами — это что-то вроде попытки развлекать в детской большое количество незнакомых детей под наблюдением строгой гувернантки. Но Дикко сказал также, что Тигр Танака оказывает ему большую честь, что вечер обойдется Танака в небольшое состояние — из средств секретной службы или из собственного кармана — и что Бонду следует сделать сладкую мину, так как это может очень помочь ему в выполнении его миссии. Но все может кончиться и полным провалом.

Поэтому теперь Бонд улыбался и изображал восторг. Он обратился к Тигру:

— Скажи этой старой суке, что она умная сука. — Взял полный стакан горячего сакэ из рук глядевшей на него с обожанием Дрожащего Листа и осушил его двумя немислимо большими глотками.

То же самое он проделал еще раз, когда ему принесли другой стакан сакэ. Затем Бонд реши-

тельно опустил кулак на красный, покрытый лаком стол и с шутливой воинственностью произнес:

— Ну что ж, Тигр, начнем, пожалуй!

Это была старая игра, в которой ножницы режут бумагу, в бумагу заворачивают камень, камень затупляет ножницы. В нее играют дети во всем мире. Кулак — это камень, два вытянутых пальца — ножницы, раскрытая ладонь — бумага. Играющие одновременно дважды быстро проводят кулаками в воздухе сверху вниз. На третий раз пальцы разжимаются, и играющий показывает выбранный знак. Смысл игры состоит в том, чтобы знак был победным по отношению к знаку, который выбросил противник. Выигрывает тот, кто «угадал» три раза или больше. Это игра на умение блефовать.

Тигр Танака положил кулак на стол напротив Бонда. Оба изучающе посмотрели друг другу в глаза. В комнате, сделанной из реек и бумаги и похожей на коробку, воцарилась тишина, и впервые за весь вечер через открытую перегородку ясно послышалось мягкое журчание маленького ручейка в декоративном скверике. Может быть, из-за этой тишины после нескольких часов разговоров и смеха или из-за неожиданно ставшего серьезным, даже жестоким, как у самурая, выражения лица Тигра Танаки, Бонд напрягся. По

какой-то неведомой причине игра выходила за рамки детской забавы. Тигр обещал, что Бонд проиграет. Не выполнить обещания означало бы скомпрометировать себя. Чем это чревато? Разрывом дружбы, которая странным образом укрепилась между ними за последние недели? Танака был одним из самых влиятельных людей в Японии. Проиграть этому несчастному гейджину в присутствии двух женщин было бы для него слишком унижительно. К тому же они могли рассказать о его поражении другим. На Западе на это не обратили бы особого внимания: велика важность, если член кабинета министров проигрывает в клубе партию в трик-трак. Но на Востоке?! Не зря Дикко Хендерсон учил Бонда безоговорочно уважать восточные обычаи, какими бы устаревшими и смешными они ни казались. Но Бонд никак не мог уразуметь, насколько важен тот или иной из них. Так было и теперь. Должен ли он постараться выиграть эту детскую игру на блефе и двойном блефе или проиграть? Но проиграть так, чтобы противник ничего не понял, тоже надо уметь. Это не легче, чем выиграть по-настоящему. И в конце концов, действительно ли это так важно? Однако у Джеймса Бонда было скверное предчувствие, что в его странной миссии даже этот идиотский гамбит может иметь

значение: способствовать успеху или привести к провалу.

Но Тигр Танака сам развеял его сомнения. Он издал грубый и злобный смешок, скорее похожий на боевой клич, чем на выражение юмора или удовольствия:

— Бондо-сан, вообще-то на вечеринке, где я хозяин, а ты гость, мне подобало бы дать тебе выиграть. Я даже должен был бы поступить именно так. Но я вынужден заранее извиниться перед тобой, ибо собираюсь выиграть сам.

Бонд весело улыбнулся:

— Дорогой Тигр, нет смысла играть, если ты собираешься выиграть. Я счел бы себя оскорбленным, если бы ты играл на проигрыш. Но твои слова, если можно так выразиться, в высшей степени провокационны. Они подобны колкостям, которые намеренно говорят друг другу борцы сумо перед началом поединка. Будь добр, переведи нашей изысканной и многоуважаемой публике, что я ткну тебя твоим уважаемым носом в грязь и, выиграв, докажу не только превосходство Великобритании и особенно Шотландии над Японией, но и превосходство нашей королевы над вашим императором.

Вероятно, ободренный и осмелевший после сакэ Бонд связал себя обязательством. По поводу того, чья культура выше, они часто шутили с

Тигром, который накануне войны с отличием окончил Тринити-колледж и гордился демократизмом убеждений, а также либерализмом и широтой взглядов в отношении Запада. Однако, заметив внезапный блеск в темных глазах Тигра, Бонд сразу же вспомнил предупреждение Дикко Хендерсона: «Послушай, дуралей. Тебе везет, но не испытывай удачу. Т. Т. парень образованный, на свой японский манер, конечно. Не переусердствуй. Посмотри на его рожу. В ней есть что-то маньчжурское и татарское. Не забывай, что этот такой-сякой хрен имел черный пояс по дзюдо задолго до учебы в твоём паршивом Оксфорде. И еще не забывай, что он шпионил в пользу Японии, работая помощником военно-морского атташе в их посольстве в Лондоне. А вы, дураки, считали, что этого не может быть, поскольку он учился в Оксфорде. Помни и о его военном прошлом, ведь Т. Т. был личным помощником адмирала Ониши и готовился стать камикадзе, когда американцы подняли много шума над Нагасаки и Хиросимой и Восходящее Солнце внезапно сделало сальто назад в море. А если ты все это забудешь, спроси себя, почему именно Т. Т., а не кто-либо другой из девяноста миллионов японцев стоит во главе японской секретной службы. Понял, Джеймс? Возьми фотографию».

Прибыв в Японию, Бонд усердно учился си-

деть в позе лотоса. Это посоветовал ему Дикко Хендерсон: «Если ты добьешься успеха у этих людей и даже если не добьешься, тебе придется проводить много времени, сидя на заднице на полу. Имеется только один способ не вывихнуть при этом суставы — это индийская поза лотоса: сидишь на корточках, скрестив ноги, и чувствуешь адскую боль в наружных поверхностях ступней, которые касаются пола. Чтобы к этому привыкнуть, надо немного потренироваться. От этого не умирают, но если научишься так сидеть, тебя начнут уважать». Бонд более или менее усвоил эту премудрость. Но сейчас, после двух часов такого сидения, его коленные суставы горели, и он знал, что если сейчас же не сменит позу, то останется на всю жизнь кривоногим. Он сказал Тигру:

— Чтобы играть с таким мастером, как ты, я должен расслабиться, иначе я не смогу сосредоточиться.

Он с трудом встал на ноги, потянулся и снова сел, протянув одну ногу под низким столом и положив локоть левой руки на коленку другой ноги. Это было блаженное облегчение. Бонд поднял стакан, и Дрожащий Лист покорно наполнила его сакэ. Бонд выпил сакэ до дна, отдал стакан девушке и вдруг опять ударил кулаком правой руки по полированному столу так, что

загремели леденцы в маленьких коробочках и зазвенел фарфор. Он воинственно посмотрел на Тигра Танаку, сидевшего напротив:

— Ну?

Тигр поклонился. Бонд тоже. Девушка выжидающе подалась вперед.

Тигр сверлящим взглядом посмотрел Бонду в глаза, пытаясь разгадать его намерения. Бонд решил играть без определенного плана и не скрывать этого. Он будет показывать знаки наобум — как заблагорассудится его руке в момент, когда она будет опускаться в третий раз.

— Три партии по три игры, — предложил Тигр.

— Согласен, — ответил Бонд.

Два кулака медленно поднялись над столешницей, быстро и одновременно дважды опустились, а на третий раз разомкнулись. Тигр показал камень. Ладонь Бонда была открыта — это означало бумагу, в которую был завернут камень. Одно очко за Бондом. Затем все повторилось. Тигр вновь показал камень, у Бонда указательный и средний пальцы были разведены, изображая ножницы, затупленные на сей раз камнем Тигра. Ничья. Тигр сделал паузу и поднес кулак ко лбу. Он задумчиво закрыл глаза, затем произнес:

— Да, я победил тебя, Бондо-сан. У тебя нет шанса.

— Посмотрим, — сказал Бонд.

У Бонда было подозрение, что Тигр снова покажет камень. Или он догадывается, что Бонд подумает именно так и поэтому покажет бумагу? Тогда Тигр должен показать ножницы, чтобы разрезать ее.

И так дальше. Три знака крутились в мыслях Бонда, как картинки на фрукторезке... Кулаки снова поднялись — раз, два — ну?

Тигр снова показал камень. Бонд завернул его в бумагу. Первая партия за Бондом. Вторая длилась дольше. Они несколько раз показывали одно и то же, а в этом случае следовало переигрывать. Похоже, каждый игрок изучал психологию другого. Но в этом не было смысла, так как у Бонда не было никаких обдуманых намерений. Он продолжал играть наугад и надеяться на удачу. Вторую партию выиграл Тигр. Ничья.

Последняя партия! Оба участника посмотрели друг на друга. Улыбка Бонда была вежливой, но ироничной. В глубине глаз Тигра сверкнула красная искорка. Бонд заметил ее и подумал: «Может, лучше проиграть?»

Эту партию Бонд выиграл в два приема, затупив ножницы Тигра своим камнем и завернув камень в бумагу.

Тигр низко поклонился. Бонд поклонился еще ниже и заметил:

— Я добьюсь, чтобы эту игру включили когда-нибудь в Олимпийские игры. Меня, конечно же, включают в сборную Великобритании.

Тигр Танака засмеялся со сдержанной вежливостью.

— Ты играешь очень умно. В чем секрет твоего метода?

У Бонда не было метода. Он быстро придумал нечто, что могло бы польстить Тигру.

— Ты человек из камня и стали, Тигр. Я догадался, что бумагу ты покажешь в последнюю очередь, и исходил из этого.

Обмен любезностями был завершен. Тигр поклонился. Бонд тоже поклонился и выпил стакан сакэ за Тигра.

Освободившись от напряжения, гейши хлопотали вокруг сидящих, и мадам велела Дрожащему Листу еще раз поцеловать Бонда. Та сделала это.

Какая мягкая кожа у японских женщин! Их прикосновение почти незаметно!

Джеймс Бонд размышлял о том, как провести ночь, когда Тигр сказал:

— Бондо-сан, мне нужно кое-что обсудить с тобой. Сделай одолжение, приходи ко мне домой перед сном на чашку чаю.

Бонд сразу же выбросил из головы сладострастные мысли. Как говорил Дикко, быть приглашенным в японский дом — знак особой благосклонности со стороны хозяина. Значит, по какой-то неизвестной причине ему и следовало выиграть в эту детскую игру. Это может означать многое. Бонд поклонился:

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, Тигр.

Спустя час они сидели в удобных креслах, между ними на столике стоял поднос с напитками.

Огни Иокогамы светились на горизонте темно-оранжевым светом, и из широко раздвинутых дверей-перегородок, ведущих в сад, доносился легкий запах моря.

Дом Тигра был прекрасно спланирован и построен, как, впрочем, и любой японский дом, даже принадлежащий самому бедному торговцу; японцы строят свои дома так, чтобы жильцов отделяли от природы как можно более тонкие перегородки. Остальные три перегородки в квадратной комнате были также раздвинуты, открывая вид на спальню, маленький кабинет и коридор.

— На Западе, когда нужно обсудить секретные дела, закрывают все двери и окна. В Японии мы открываем все, что можно, дабы убедиться, что никто не сможет подслушать разговор, стоя

за тонкой стеной. То, о чем я собираюсь с тобой говорить, чрезвычайно секретно... Сакэ достаточно подогрет? Сигареты — те, что ты любишь? Тогда слушай, что я хочу тебе сказать, и поклянись, что сохранишь тайну!

И вдруг Тигр Танака воскликнул, грустно усмехнувшись:

— Если проговоришься, мне не останется ничего другого, как убрать тебя!

Глава 2

Занавески для Бонда

Ровно за месяц до того был канун ежегодной церемонии роспуска клуба «Блейдз» на каникулы. Со следующего дня, с первого сентября, те члены клуба, которые, хоть это никак не соответствовало общепринятой моде, оставались в Лондоне, были вынуждены целый месяц ютиться у «Уайтсов» или «Будла». «Уайтсов» они считали слишком шумными и «ловкачами», а «будлы», по их мнению, были престарелыми деревенскими помещиками, которые и говорить-то не могут ни о чем другом, кроме как об открытии сезона охоты на куропаток. Для членов «Блейдз» это был целый месяц жизни среди дикарей. Но ничего не поделаешь. Работники клу-

ба тоже нуждаются в отдыхе. К тому же многое нужно было сделать — кое-что покрасить, поменять истлевшие и превратившиеся в труху балки на крыше.

Сидя у выходящего на улицу Св. Джеймса окна с эркером, М. ни о чем подобном не думал. Впереди его ожидали две недели рыбалки на реке Тест, а в оставшиеся две недели он будет обходиться сэндвичами и пить кофе у себя в кабинете. М. редко посещал «Блейдз». Ходил туда только с важными гостями. Он не был «клубным» человеком и, была бы его воля, вступил бы в «Синиор» — самый знаменитый в мире клуб сотрудников секретной службы. Но слишком многие его там знали и слишком часто там велись профессиональные разговоры. Здесь бывали также и его бывшие коллеги по военно-морской службе, которые интересовались, чем он занимается после выхода в отставку. Ему приходилось лгать: «Работаю в некой фирме «Юниверсал экспорт». Это раздражало его, да и был определенный риск, что ложь раскроется.

Подошел Портерфилд с сигарами и предложил широкую коробку гостю М. Сэр Джеймс Молони поднял свои смешные брови:

— Вижу, что гаванские сигары еще поступают.

Его рука некоторое время в нерешительности блуждала над коробкой, потом он выбрал

«Ромео и Джульетту», легонько размял ее и понюхал. Затем повернулся к М. и спросил:

— А что «Юниверсал экспорт» посылает Фиделю Кастро взамен? Звездно-полосатые?

М. это не понравилось, и Портерфилд заметил это. Он служил под командованием М. в последние годы его службы. Он сказал быстро, но не слишком:

— Дело в том, сэр Джеймс, что сейчас лучшие ямайские сигары не уступают гаванским. Наконец-то они научились правильно заворачивать внешний лист.

Он закрыл стеклянную крышку коробки и двинулся дальше.

Сэр Джеймс Молони взял щипчики, которые оставил на столе старший официант, и аккуратно срезал кончик сигары. Затем щелкнул зажигалкой «Свон веста», поводит пламенем из стороны в сторону у кончика сигары и стал осторожно раскуривать ее, пока она не разгорелась как следует. После этого он глотнул сначала бренди, потом кофе и поудобнее устроился в кресле. Он с любовью и иронией посмотрел на поднятую бровь своего хозяина и спросил:

— Ну, мой друг, теперь скажите мне, что вас заботит?

Мысли М. были где-то далеко. Трубка его

все время гасла. Между затяжками он с отсутствующим видом пробормотал:

— Что заботит?

Сэр Джеймс Молони был самым знаменитым в Англии неврологом. Год назад ему была вручена Нобелевская премия за известную теперь работу «Некоторые психосоматические побочные последствия врожденной неполноценности». Он также был консультантом секретной службы по вопросам, связанным с нервной системой. К его помощи прибегали редко и только в исключительных случаях. К проблемам, по поводу которых его приглашали, он относился очень внимательно, так как они были гуманные и жизненно важные для страны. После войны вторая его специальность была очень редкой.

М. сидел вполоборота к своему гостю и наблюдал за движением транспорта по улице Св. Джеймса.

Сэр Джеймс Молони сказал:

— Друг мой, как и у всех, у вас выработались определенные стереотипы поведения. Один из них заключается в том, что вы время от времени приглашаете меня обедать в «Блейдз», набиваете мой желудок, как страсбургского гуся, затем посвящаете меня в какую-нибудь страшную тайну и просите помочь. В последний раз, помнится, вы пожелали, чтобы я выудил какую-то инфор-

мацию у находящегося под глубоким гипнозом иностранного дипломата, да так, чтобы тот этого не заметил. Вы сказали, что это был последний шанс. Я ответил, что не смогу помочь. Однако через две недели прочел в газете, что дипломат, испытав на себе силу земного притяжения, плохо кончил, выбросившись из окна десятого этажа. Следовательно не пришел к окончательному выводу, выбросился ли он сам или его выбросили. Какую песню я должен спеть сегодня? — Сэр Джеймс Молони смягчился и сказал с сочувствием: — Ну же, М.! Выкладывайте!

М. холодно посмотрел ему в глаза.

— На этот раз — это агент 007. С каждым днем я все больше беспокоюсь о нем.

— Вы читали два моих доклада по этому вопросу? Есть что-нибудь новое?

— Нет, все по-старому. Он медленно разваливается на части. Опаздывает, стал небрежен в работе, ошибается, много пьет и проигрывает деньги в игорных домах. В таком состоянии он, один из лучших моих людей, может оказаться на грани провала, что совершенно невероятно, учитывая его прошлое.

Сэр Джеймс Молони кивнул в знак согласия.

— В этом нет ничего невероятного. Вы либо не читали моего заключения, либо не приняли

его всерьез. Я все время повторяю, что этот человек страдает от перенесенного шока.

Сэр Джеймс Молони наклонился вперед, нацелил кончик сигары в грудь М. и сказал:

— Вы жесткий человек, М. Наверное, на вашей работе человек таким и должен быть. Но существуют проблемы, человеческие, так сказать, которые не всегда можно разрешить, дернув за веревочку. Тут как раз такой случай. Этот ваш агент сильный и смелый, каким, наверное, были вы в его годы. Он холостяк и известный любитель женщин. И вдруг он влюбляется, отчасти, думаю, потому, что его избранница похожа на птицу с опущенными крыльями и нуждается в его помощи. Поразительно, какими податливыми бывают эти так называемые сильные мужчины. Итак, он женится на ней, а через несколько часов ее убивает этот супергангстер. Как его звали?

— Блофелд, — ответил М. — Эрнст Ставро Блофелд.

— Хорошо. Ваш человек отделался трещиной в черепе. Потом он пошел вразнос, и ваша медицинская служба, опасаясь мозговой травмы, направила его ко мне. С ним было все в порядке. Никакой травмы, просто шок. Он признался мне, что силы его покидают, что у него пропал интерес к работе, даже к жизни. Мне приходится

выслушивать подобные признания от своих пациентов каждый день. Это одна из форм психоневроза, которая может либо развиваться исподволь, либо наступить неожиданно. Что касается вашего пациента, у него это появилось неожиданно, в результате создавшейся невыносимой жизненной ситуации или в силу того, что никогда прежде он ничего подобного не испытывал. Утрата любимого человека усугублялась еще тем, что он считал себя виновным в этой смерти. Нам с вами не приходилось испытывать такой нервной перегрузки, поэтому мы не знаем, как бы повели себя на его месте. Но я знаю, что такую тяжесть носить в себе чертовски трудно. И ваш агент ищет какое-то убежище. Думаю — и я писал об этом в своем донесении, — что опасности и чрезвычайные обстоятельства его работы помогут ему встряхнуться. Я пришел к выводу, что людей надо убедить в том, что не существует предела, за которым — бездна. Пока человек дышит, он должен сопротивляться любым жизненным невзгодам. Они часто кажутся бесконечными и невыносимыми, но они — часть человеческой жизни... Вы не пробовали поручить ему какое-нибудь трудное задание в последние месяцы?

— Дважды, — мрачно ответил М. — И он завалил оба. При выполнении одного из них чуть не погиб сам, а второго — совершил ошибку, ко-

торая поставила в опасное положение других. Кстати, это тоже меня беспокоит. Раньше он не делал ошибок, а теперь с ним вечно что-нибудь случается.

— Это тоже симптом его невроза. Что вы собираетесь делать?

— Уволю его, — сказал М. грубо. — Как будто бы его застрелили или он заболел неизлечимой болезнью. Я не могу держать на службе душевнобольного, каковы бы ни были его прошлые заслуги и какие бы оправдания и доводы вы, психологи, ни приводили. Я, конечно, дам ему пенсию, устрою проводы с почестями и все остальное. Постараюсь найти ему работу. В одной из этих новых организаций по охране банков, быть может.

Как бы оправдываясь, М. посмотрел в светло-голубые пронизательные глаза знаменитого невролога. Ища поддержки своему решению, М. сказал:

— Вы меня понимаете, сэр Джеймс? У меня слишком серьезная работа в центре и на местах. Я не могу послать туда агента 007, он опасен.

— Вы потеряете одного из своих лучших людей.

— Был когда-то лучшим, теперь нет.

Сэр Джеймс Молони откинулся, посмотрел в окно и задумчиво затянулся сигарой. Ему нра-

вился Бонд. Он пользовался его услугами много раз. И Молони имел возможность наблюдать, как сила духа и необычайная отвага помогали этому человеку выходить из ситуаций, которые любого другого сломили бы. Он знал, что эти качества помогут ему выйти и из этой, казалось бы, безвыходной ситуации и что жажда жизни возродится в нем, попади он в чрезвычайные обстоятельства. Он вспомнил, сколько нервнобольных навсегда перестали быть его пациентами после того, как началась война. Большая тревога вытеснила маленькие заботы, большой страх вытеснил маленький испуг. Молони задумался, затем повернулся к М. и сказал:

— Дайте ему еще один шанс. Если это не поможет, я возьму ответственность на себя.

— О каком шансе вы говорите?

— Я знаю очень мало о вашей работе, М., и не хочу знать больше. У меня у самого полно профессиональных секретов. Но неужели у вас нет какого-нибудь неприятного и кажущегося невыполнимым задания, которое вы могли бы поручить ему? Я имею в виду что-нибудь опасное, скажем, убийство, похищение шифра у русских или что-нибудь в этом роде. Нужно что-то очень важное и на первый взгляд невыполнимое. Конечно, можно дать ему под зад. Но что ему сейчас действительно нужно, так это возмож-

ность максимально проявить свои способности, что-нибудь такое, что заставило бы его забыть личные неприятности. По-моему, он патриот. Дайте ему задание, особо важное для страны. Было бы легче, если бы сейчас шла война. Только когда дело касается смерти и славы, человек проявляет себя полностью. Не можете ли вы придумать что-либо очень срочное? Это может вернуть его в прежнее состояние. В любом случае дайте ему еще один шанс. Хорошо?

Услышав настойчивый звонок красного телефона, молчавшего в течение многих недель, Мери Гуднайт подскочила на стуле так, словно в нем что-то взорвалось. Она бросилась в соседнюю комнату, остановилась на середине, чтобы перевести дыхание, и взяла трубку, как будто это была гремучая змея.

— Слушаю, сэр. Нет, сэр. Это его секретарша. — Она посмотрела на часы, зная, что ничего хорошего ждать не приходилось. — Это на него не похоже, сэр. Я думаю, он будет здесь через несколько минут. Попросить его позвонить вам? Да, сэр.

Она положила трубку и увидела, что рука ее дрожит. Черт бы его побрал! Где его носит? Она громко сказала:

— О, Джеймс, пожалуйста, поторопись!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

Глава 1. НОЖНИЦЫ РЕЖУТ БУМАГУ	5
Глава 2. ЗАНАВЕСКИ ДЛЯ БОНДА	19
Глава 3. НЕВЫПОЛНИМАЯ МИССИЯ	35
Глава 4. ДИККО НА ГИНДЗЕ	49
Глава 5. «МЭДЖИК-44»	63
Глава 6. ТИГР, ТИГР!	81
Глава 7. КОЛЛЕКЦИОНЕР СМЕРТИ	93
Глава 8. УМЕРТВИТЬ ЦВЕТАМИ	109
Глава 9. БЛИЗКАЯ ЯПОНИЯ	124
Глава 10. УСПЕШНАЯ УЧЕБА	145
Глава 11. УРОК АНАТОМИИ	160

Часть II

Глава 12. СВИДАНИЕ В САМАРРЕ	175
Глава 13. КИССИ СУЗУКИ	190
Глава 14. ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ	205
Глава 15. ШЕСТЬ СТРАЖНИКОВ	220
Глава 16. ОЧАРОВАТЕЛЬНО ОПАСНОЕ МЕСТО	232
Глава 17. ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ НЕЧТО УЖАСНОЕ	245
Глава 18. ПОТАЙНАЯ ТЕМНИЦА ПОД ЗЕМЛЕЙ	257
Глава 19. КОМНАТА ДОПРОСОВ	271
Глава 20. КРОВЬ И ГРОМ	283
Глава 21. НЕКРОЛОГ В «ТАЙМС»	294
Глава 22. СЛЕЗЫ ВОРОБЬЯ	299